

— Случайно это всё выяснилось,— так начал свой рассказ мой новый знакомец.

Мы сидели в зале ожидания Н-ского железнодорожного вокзала. Мой поезд должен был прибыть только через три часа, а электричка, которую ждал Симеон Семёныч,— через тридцать восемь минут. Но нам обоим ожидание казалось бесконечным, а, как известно, лучший способ скоротать время — это задушевные разговоры.

Щуплый, тоскливо-интеллигентного вида мужичонка в старой фетровой шляпе, джинсах и серой куртке из кожзама поневоле привлек моё внимание, когда сел напротив, достал из матерчатой сумки, наполненной продуктами, промасленный свёрток солидных размеров, развернул его и начал поглощать бутерброд с остро пахнущей колбасой. Я, словно замороженный, наблюдал, как он торопливо и мелко откусывал, динамично жевал и громко проглатывал пищу, пока бутерброд не исчез. А потом мой сосед начал... икать. Икал он тоже мелко и торопливо, а заметив мой сочувствующий взгляд, смущённо прикрыл рот ладонью с тонкими длинными пальцами. Я заметил, что костяшки были большими и казались чужеродными на его в общем-то изящной руке.

Тут я вспомнил, что у меня есть бутылка минеральной воды, достал её и предложил икающему визави. Так, совместными усилиями, мы справились с его маленькой неприятностью, вследствие чего представились друг другу и разговорились.

О чём могут говорить два только что познакомившихся человека, сидя на вокзале и зная, что, скорее всего, это их единственная и неповторимая встреча? Обо всём и ни о чём. Как зовут, куда едут, по работе ли, по личным ли делам... Так и наша беседа лилась незатейливо, пока вдруг огромная тень не накрыла нас и громоподобный голос не заставил умолкнуть:

— О-о-о! Экстрасенс! Здоров будь! Куды на ночь глядя пошастал?

Я с ужасом воззрел, как маленький Симеон Семёныч болтается в опасных объятиях невероятного громила — ростом наверняка больше двух метров, рыжего, лохматого, с широченными плечами и мускулистыми руками! Но, как оказалось, великан этот, облачённый в сатиновый летний костюм с иголки, был хорошим знакомым моему новому знакомому, и вскоре я с облегчением увидел выпущенного из дружеских тисков, чуть посиневшего, но спокойного Симеона Семёныча, усаживающегося на прежнее место. Я так переволновался, что даже не слышал, о чём говорили эти двое, и пришёл в себя только тогда, когда громила убрался восвояси. Мне стало ясно, что все живы-здоровы, и, то ли от облегчения, а может быть, от стресса, на меня вдруг... напала икота! Я сидел и икал до тех пор, пока смыслённый Симеон Семёныч не сбежал в ближайший ларёк и не принёс мне бутылку минералки.

— Это Коля, — успокоил меня минутой позже Симеон Семёныч. — Абрау-Дюрсо.

— Абрау-Дюрсо? Это что же, у него фамилия такая? Как шампанское?

— Нет, фамилия у него, простите, Петров, а это — псевдоним! — Симеон Семёныч произнёс последнее слово с придыханием, многозначительно и почти благоговейно.

— А у вас, видимо, псевдоним — Экстрасенс? — спросил я с вдруг охватившим меня любопытством.

— Ну да, — засмутился мой собеседник. — Только теперь меня так называют скорее в шутку.

— Значит, когда-то это шуткой вовсе не было?

Я чувствовал, прямо физически ощущал наличие какой-то сногшибательной истории за этой неброской внешностью, за непоказной скромностью Симеона Семёновича и настойчиво вынуждал поведать мне её, ибо несостоявшийся

писатель, не убиенный во мне, но загнанный в глубины, любил человеческие истории до самозабвения и пренебрежения приличиями. Потому я стал хватать Симеона Семёновича за руки, заглядывать в глаза, умолять довериться мне и страстно обещать никому и никогда его тайны не выдать!

— Да Бог с вами, Антон Михалыч, какие тайны! — кажется, мой напор напугал собеседника. — Извольте, я расскажу свою историю! Случайно это всё выяснилось...

Симеон Семёнович... нет, не Семёнов, как вы могли бы подумать, а Никольский, был интеллигентом в третьем поколении, имел высшее образование, когда-то мечтал расшифровать ведущие механизмы и скрытые принципы фолдинга белка, а ныне преподаёт физику в Н-ской средней школе. Педагогическая деятельность сыграла в его жизни существенную роль: она стала не только профессией, позволяющей зарабатывать деньги, но и судьбоносным явлением (именно в школе Симеон Семёнович повстречался со своей будущей супругой Инночкой, ныне — даже для него — Инной Матвеевной), и вечным напоминанием о невоплощённых амбициях (ни фолдинг белка, ни турбулентные потоки, ни тем более сверхзвуковые скорости так и не дождались всестороннего изучения со стороны когда-то подающего надежды студента Никольского).

Немудрено, что, осознавая крушение своих надежд и целей как в научном, так и личном плане, Симеон Семёнович начал... выпивать. Это горе случилось не сразу, оно завладело Симеоном Семёновичем исподволь, прибрало, так сказать, к рукам постепенно, а прибрав, держало крепко, так что даже Инна Матвеевна, во всём довлеющая над супругом, оказалась бессильна. И если на протяжении учебного года Симеон Семёнович ещё как-то держался в полутрезвом состоянии, дабы не оказаться уволенным, то летние каникулы были для него раем, сулящим блаженство.

В тот вечер Симеон Семёнович блаженствовал в гараже у Фили — Филимона Медведева, друга детства и добротного собутыльника. Столом им служила старая табуретка, накрытая газетой, на её сиденье как раз помещались за раз: поллитровочка, пара заляпанных рюмок, блюдечко с нарезанным

солёным салом, килька в томате (в банке) и кусок хлеба. Сидели друзья прямо на полу, по-турецки поджав ноги.

Занюхивая очередной глоток амброзии давно зачерствевшей горбушкой, Филя рассуждал:

— Вот ты, Сёма, для чего живёшь? Детей у вас с Инкой нету, машины тоже. Так бесполезно и коптите небушко.

— Филимон, не называй меня Сёмой...

— Так не дорос ты до Симеона-то! Симео-он! — протянул ехидно Филя. — На-адо же, важный какой! Наливай, Сёма!

Хлопнув ещё по рюмашке, друзья продолжили вести философскую беседу.

— Так вот, Сёма, хоть я тебя и люблю, а всё-таки ничтожный ты человечешко! Ты ведь даже Инку свою приструнить не можешь, а она ходит и страмит тебя, и страмит!

— Филимон, ты не прав. Инна Матвеевна — женщина интеллигентная, сор из избы выносить не будет. А если кому и пожаловалась на меня...

— Тю! Пожаловалась! Ты, Сёма, слышал когда-нибудь, как твоя интеллигентная выражается?! Как называет тебя?

— Выпьём, Филимон.

Выпили.

— Жалко мне тебя, Сёма. Не мужик ты, Сёма. Не, не мужик...

— Не называй меня...

— Сёма ты! — Филя рубанул по столу (ну, по табуретке) ребром ладони. — С самого детства ты вот такой... такой...

— Ну, какой? — Симеон Семёнович вдруг завёлся, обидно что-то стало ему выслушивать от друга оскорбления. — Какой? Разве я когда обидел кого-нибудь? Тебя обидел?!

— Так то́ и есть, что нет! — Филимон вскинулся, настаивал на друга заскорузлый указательный палец. — Пацанами были, ты с нами хоть раз на драку ходил?! Не-ет, у тебя всегда отговорки были: то одно, то другое. Думаешь, пацаны верили тебе? Они просто меня боялись, я ж им сказал раз и навсегда: Сёму, друга моего, не трогать!

— Да, я не любил драться! — воскликнул Симеон Семёнович. — Жестокость бессмысленна, Филимон!

— Чё бессмысленна-то?! Мы ж за девчонок дрались! Или если кого из наших мелких обидят! Защищали!

— Филимон! Налей мне выпить!

Выпили.

— И с чего ты взял, что мы жестокие были? Не убивали же никого. Так, пару носов расквасим, чтоб показать, что с нами шутки плохи. А ты, Сёма...

— Не Сёма я! — взвился Симеон Семёнович, закричал. Хотел — пафосно, получилось — фальцетом. — Когда уже ты перестанешь?.. Всю жизнь... просил всегда, и в детстве!..

Симеона Семёновича прорвало. Никогда — никогда в жизни! — он ни на кого не кричал, всегда держался с достоинством: и когда мальчишки шпыняли, выловив его одного, без защитника Филимона, и когда в институте бабда Распопин заставлял его курить в туалете и с размаху шлёпал по спине, если Симеон начинал кашлять, наглотавшись отвратительного табачного дыма. Он не кричал на своих учеников, безалаберных, непослушных, свободно разгуливающих по классу во время урока; и на Инну Матвеевну не кричал, когда она выплакивала свою женскую обиду ему в лицо или колошматила его кухонным полотенцем, пытаясь вывести из блаженного состояния. И на Филимона тоже не кричал, а только просил, чтобы тот не называл его Сёмой, ибо почему-то именно такое уменьшительное имя было для него оскорбительнее «дуралея», «шмакодявки», «нытика», «ботаника», «лоха» и других эпитетов, которыми то и дело награждали умного, но такого нескладного, несуразного внешне и безобидного характером Симеона Никольского.

Глубока была чаша терпения Симеона Семёновича, но и у неё край оказался. И полилась через этот край скопленная за годы обида. Да только Филимон не заметил того, не уразумел, что друг его, доселе безропотный, не просит уже, а требует:

— Филимон! В последний раз говорю: имя моё — Симеон! Понял? Ты понял меня?! Ты... Ф-Филя!

Филимон сначала опешил, но лишь на секунду, а потом расхохотался, да с присвистом, да со слезотечением: таким смешным он своего друга ещё ни разу не видел! Худой, пьяный и взъерошенный, в измятой футболке, Симеон Семёнович, хоть и сжимал кулаки, как ему казалось, угрожающе, виделся Филимону трогательно-беззащитным и безопасным. Филимон-то знал, что друг его, хоть Сёмой зовётся,

хоть Симеоном, дорог ему, и не унижения ради весь этот разговор был начат, а скорее по привычке подзуживать, покровительственно дать понять, что он по-прежнему его единственная опора и защита, ведь никому другому подобного обращения с Симеоном Семёновичем Филимон никогда не позволял и не позволит впредь...

Да только Симеон уже был не тот. И этот, другой, Симеон, который на самом деле вовсе и не Сёма, вдруг размахнулся и зацементированным отчаянием кулаком врезал по скуле Филимона! Филимон завалился на спину, затёкшие от долгого сидения по-турецки ноги выстрелили вверх, цепляя по пути импровизированный стол, фонтаном брызнула недопитая водка, недоеденные кильки, взлетев, прокопчёнными хвостами разметали томатный соус, и тот осел на бледном лице Филимона кровавыми каплями. Симеон же, хищно раздувая ноздри и грозно сверкая глазами, перешагнул через поверженного собутельника и гордо, хоть и с трудом сохраняя координацию, покинул место внезапной дуэли, которая, наконец, расставила правильные акценты в его судьбе: пусть теперь все знают, что Симеон Никольский — это вам не хухры-мухры, а... ух-х!

Два дня после этого чрезвычайного события Симеон Семёнович не выходил из дома. Виду он не показывал, но в душе сожалел о поступке, который, как он был уверен, навсегда разлучил его с единственным другом. С тоски Симеон Семёнович пил, вскрывая многочисленные записки, виртуозно замаскированные от взгляда дражайшей супруги, но блаженства при этом не испытывал, ибо совесть его мучила не на шутку. Когда же к вечеру второго дня раздался звонок в дверь, Симеон Семёнович с облегчением решил, что это Филимон пришёл требовать сатисфакции, и встал посреди комнаты, пошатываясь под гнётом выпитой в одного чекушки и подняв взгляд великомученика к потолку: он твёрдо решил не сопротивляться и принять достойно наказание, кое измыслил для него оскорблённый физическим воздействием друг.

Это действительно оказался Филимон, но был он не один. Когда Инна Матвеевна с лицом окаменевшей Медузы Горгоны распахнула дверь и указующим перстом уточнила направление движения гостей, в комнату бочком

протиснулся Филя (разве можно именовать Филимоном человека, у которого половина лица — сплошной синяк?!), а следом за ним, пошатываясь, ибо был неприлично пьян, ввалился Витька Малахольный (дал же ж Бог фамилию!). Филя прислонил Витьку к стене, затем, виновато улыбаясь, медленно, чтобы не обидеть ненароком, закрыл дверь перед Инной Горгоновной. Обернулся и распахнул объятия:

— Симеон! Друг мой, здравствуй!

Филя (или Филимон всё-таки?) был чист, выбрит и причёсан, а ещё абсолютно трезв, и тряс Симеоновы руки так, словно тот был как минимум президентом дружественной страны. Симеон хлопал осоловелыми глазами и старательно дышал в сторону, вдруг застеснявшись этанолового амбре, что густо разливался из его рта. Филимон же будто не замечал Симеоновой, мягко говоря, нетрезвости, обнимал радостно и даже чмокнул в макушку. Телячьи нежности прервал грохот: Витька не устоял.

Когда пьяного вдрабадан Малахольного устроили в безопасной позе на диване и уверили Медузу Матвеевну, что всё в порядке, что никто квартиру не разносит и милицию тревожить нет необходимости, Филимон (которого Симеону почему-то уже хотелось называть Филимоном Иннокентьевичем) усадил немного растерянного хозяина в кресло и сам уселся рядом на колченогий стул.

— Симеон! Слушай, что я тебе скажу! Я уже два дня не пью! И в этом виноват ты!

— Да, Филя... Филимон, ты прав, я повёл себя как свинья...

— Погоди, погоди, Симеон, дослушай! Ты виноват... то есть не виноват, а наоборот... тьфу! Короче, слушай и не перебивай. Ты мне тогда как врезал, у меня искры из глаз посыпались! (Симеон Семёнович понурился, вздохнул горестно.) Вот тебе и хилый! Лежу я, значит, на полу, и чувствую, как трезвею! Понимаешь?! Не просто хмель вылетает, а как будто пелена какая-то спадает — с глаз и с души. Симеон! Я понял тогда, что жил до сих пор не так, как нужно! И грустно мне стало, и в то же время словно свет забрезжил... в этом... как его...

— Конце тоннеля? — робко подсказал Симеон Семёнович, почуявший, что угроза расправы истаяла, растворилась в перегарном тумане, как соль в кипятке.

— Именно! Ох и умный же ты, Симеон! Так вот. Встал я, прибрался в гараже и домой пошёл. Моя Танька аж дар речи потеряла: я трезвый как стёклышко, хоть и грязный, пришёл молча и спать лёг. Проснулся я с рассветом. Лежу, в окно смотрю, вижу, как солнышко встаёт, розовое такое, тёплое, птичек слушаю, как они чирикают радостно. И понимаю, — ты только вникни, Симеон, друг мой! — что совсем НЕ ХОЧУ опохмелиться!

— Да ну?! — ахнул Симеон Семёнович.

— Да-да! НЕ ХОЧУ!

— Да почему же?!

— И я об этом подумал! Почему? Ведь без опохмелки уж сколько лет и жизни не представлял себе! Примешь капельку наутро — и даже жена не так и страшна в гневе.

— Ну да, — подтвердил Симеон Семёнович.

— А тут — не-а, не тянет! Встал я, вышел из спальни. Яишницу съел. Танька молчит, пялится на меня. Я мусор вынес. Потом Таньку встретил из магазина, сумки помог донести. Пытался вспомнить, когда я всё это делал в последний раз, — не вспомнил. Танька расплакалась, а я в гараж ушёл. Сижу в гараже, думаю и ничего не понимаю.

— Странно всё это, — задумался Симеон Семёнович.

— И не говори. Я ведь следующую ночь не спал совсем, вспоминал, мозговал. И знаешь, понял, всё понял!

— Ну?! — в нетерпении воскликнул Симеон Семёнович.

— Я, дружище, каждую секундочку того вечера в памяти восстановил. И вспомнил, что когда ты мне так вот кулаком с размаху — вжих! — щёлкнуло что-то в моей голове!

— Ну и?!

— Ну и всё.

— В смысле?

— Не уразумел, Симеон? Ты меня вылечил!

Филимон радостно, даже как-то торжествующе воззрился на Симеона Семёновича, а тот почему-то хмурился и, кажется, трезвел. Малахольный громко храпел.

Симеон Семёнович встал, деревянной походкой направился в угол комнаты. Там, в этажерке, заставленной детективами, таилась очередная заначка. Откупорив чекушку, Симеон Семёнович отпил прямо из горлышка, чего до сих пор себе никогда не позволял.

— Филя,— обернулся он к глупо улыбающемуся гостю,— ты того?! — и яростно покрутил пальцем у виска.

— Не-а,— восторженно ответил избитый, но почему-то счастливый друг.— Не веришь? А ты проверь! — кивнул Филимон в сторону беззаботно спящего на диване Витьки.

Симеон Семёнович уговорился на эксперимент только после того, как чекушка опустела. Филимон подхватил Малахольного под мышки, поставил впереди себя:

— Бей, Симеон, не жалея!

«Лей, Симеон, не жалея!» — послышалось Витьке, и он разулыбался, застыв в медвежьих руках Фильки Медведева, ожидая, когда ему поднесут вожделенную рюмочку. И не сразу понял, что в сжатой в кулак руке Сёмки Никольского никакой рюмочки нету и что летит к нему не счастье, а смачный, совершенно неожиданно сильный хук слева.

— Вот так всё и выяснилось,— мой визави скромно улыбался, сидя на неудобном сиденье, какие бывают только в привокзальных залах ожидания.

— Что выяснилось? — я был растерян, ибо так ничего и не понял.

— Мой удар действительно вылечивал, простите, от алкоголизма,— Симеон Семёныч развёл руками, будто извинялся.

— Не может быть! — воскликнул я.— Вы меня разыгрываете?

— Как можно? — перестал улыбаться Симеон Семёнович.— Виктор Евгеньич, не поверите, бросил пить! И до сих пор не пьёт — вот уже год!

— Не поверю,— подтвердил я, испытующе глядя на собеседника, пытаюсь разглядеть на его одухотворённом лице признаки шизофрении.

— Ну, это я к слову... что не поверите... поговорка такая,— смутился Симеон Семёнович.— Хоть вы и не верите, а мой рассказ многие подтвердят. И Филимон, и Виктор Малахольный. Они не единственные, кого я вылечил. Вот, посмотрите, какие костяшки за лето набил!

Симеон Семёнович поднёс сжатый кулак к моему лицу, и я, хоть никогда не злоупотреблял, отшатнулся в испуге.

И вспомнил, что на его костяшки обратил внимание ещё в первые минуты нашего знакомства.

А странный человек продолжал рассказывать:

— Меня Экстрасенсом прозвали. Я пытался доказать, что мой... м-м-м... метод лечения к экстрасенсорике не имеет даже отдалённого отношения, да где там... В итоге махнул рукой: называйте хоть горшком, только в печь не ставьте! Гораздо больше меня занимал вопрос о природе столь необычного дара, а также о его границах и возможностях. Методом проб и ошибок я быстро выяснил, что животворящая сила присуща моему кулаку лишь тогда, когда я нахожусь в подпитии, и не в лёгком, а в серьёзном; проще говоря, лечил я алкоголиков, будучи сам конкретно пьян. Супруга моя, Инна Матвеевна, оказалась женщиной хваткой, я и не замечал раньше за ней предпринимательских талантов. Она закупила где-то оптовую партию палёной водки в красивых бутылках и продавала её втридорога моим пациентам как импортную, элитную, мотивируя тем, что, раз уж такова особенность необыкновенного таланта её мужа, она не может позволить ему пить что ни попадя. И знаете, я её не осуждаю! Что раньше я пил некачественные спиртные напитки, что потом... потом хоть с пользой. Многих я вылечил. Слава обо мне по всему городу разошлась. Жёны стали ко мне мужей приводить. «Врежь, — просили, — благоверному моему!» Я никому не отказывал! Выпью бутылочку — и бью. Выпью — и бью! А однажды привели ко мне Колю Петрова. Ну как привели... Вы же его видели! Такой только по собственному желанию ходит. Коля, как и вы, не верил в мои способности и пришёл посмотреть на Экстрасенса. Он как зашёл в квартиру нашу, как гаркнул: «Эй, Экстрасенс, а ну-ка вылечи меня!» — так Инна Матвеевна мне бутылку принесла и ретировалась, даже денег с него не взяла. И у меня поджилки затряслись, я пью и не пьянею. Инна Матвеевна мне ещё пол-литра тащит. Ну, тут зашумело в голове, закачало меня: всё, думаю, кондиция, можно лечить. Не знаю, то ли недостаточно я опьянел, то ли просто силёнок не хватило! Размахнулся вроде хорошо, да и Николай присел, чтоб мне сподручнее было (ростом то я не вышел, сами видите, особенно рядом с ним-то...). В общем, вдарил я, не халтуря, а он, Николай, даже не шелохнулся. Только задумчиво так щёку потёр, и вижу я —

звереет! Он ведь тоже хорошо выпивший был, а пьяный человек обижается быстро и даже без причины. Вот и мой удар оскорбительным ему показался. Никто и глазом моргнуть не успел — отлетел я в угол от его удара! Как не зашиб меня совсем — удивительно просто! Вы же его видели!

— Видел,— согласился я, уже начиная верить в эту историю, уж больно искренним казался Симеон Семёнович.

— В общем, жив-то я остался, а вот дар мой Николай вышиб напрочь. А может, и есть он ещё во мне, но, как я говорил, проявлялся мой талант своеобразно — по пьяни. А пить я бросил. Вот с тех самых пор и не пью. И Николай не пьёт. Он теперь сам экстрасенс, судьбу на месяц вперёд предсказывает. Разбогател, псевдоним себе взял. А то ведь несолидно как-то: «Предскажу судьбу. Николай Петров». А Абрау-Дюрсо — звучит!

Весёлый голос молоденькой диспетчерши сообщил о прибытии на первый путь от перрона пригородного поезда, которого дожидался Симеон Семёнович. Бывший экстрасенс засуетился, подхватил свою сумку и протянул мне на прощание тонкую руку с крупными, сбитыми в трудах праведных костяшками.

— Прощайте, любезный Антон Михалыч! Мне пора, Инна Матвеевна ждёт! Она, моя умница, успела столько прошлым летом на моём даре заработать, что в этом году мы купили дачу. Вот, я в город за продуктами выезжал.

Я пожал протянутую ладонь и пожелал Симеону Семёновичу доброго пути, а вскоре услышал, как электричка загудела, зачухала, набирая скорость. Задумавшись, я перебирал в памяти неправдоподобный рассказ случайного знакомого и вдруг почувствовал, как меня накрыла чья-то тень. Я поднял голову. Рыжий громила в сатиновом костюме улыбался голливудской улыбкой и со словами:

— На всякий случай,— протягивал мне яркий картонный квадратик.

На нём золотился номер телефона и большими буквами было написано: «Твою судьбу тебе открою я — Абрау-Дюрсо Николая».